

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Хизгил Авшалумов

НЕВЕСТА
С СЮРПРИЗОМ

Хизгил Авшалумов
Невеста с сюрпризом (сборник)
Серия «Литературный Дагестан»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682323
Невеста с сюрпризом: рассказы и повесть / пер. с татск.: Эпоха; Махачкала; 2007
ISBN 978-5-98390-026-4

Аннотация

В сборник известного дагестанского прозаика, поэта и драматурга Хизгила Авшалумова, писавшего как на татском, так и на русском языках, вошли повесть "Возмездие" и юмористические рассказы из книги "Невеста с сюрпризом". Смех и слезы, юмор и драму умело сочетал в своем творчестве классик татской литературы. А мастерство живет вечно и востребовано всегда. Потому и книги Х. Авшалумова будут интересны современному читателю.

Содержание

Вместо предисловия	4
Муж двух жен	6
Сосед мой – враг мой	10
Как я воскрес	14
Невеста с сюрпризом	17
Телефон	21
«Жених» бабушки фатьмы	25
Возмездие	28
Часть I	28
Глава I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Авшалумов Хизгил

Невеста с сюрпризом

Вместо предисловия

Самое трудное – это рассказывать о себе, тем более человеку, как я, которому всегда чертовски... не везло в жизни.

Я только успел научиться без посторонней помощи совершать свои короткие путешествия из одного угла комнаты в другой, когда лишился матери. Так я и не знаю, не помню, кто была моя мать, какие у нее были глаза, лицо, улыбка, голос... Отец, озабоченный судьбой своего осиротевшего чада, решил “купить” мне новую маму. Вскоре он женился на восемнадцатилетней вдове с увесистыми кулаками и крепкими зубами. И когда моя новая мама уставала колотить меня кулаками, то пускала в ход зубы. Делала она это, конечно, из “благих” намерений – чтобы научить меня отправляться на сон грядущий с желудком, не отягощенным ужином, а утром, едва продрав глаза, – бежать в школу без завтрака. Наверно, поэтому я рос сердитым, обидчивым (“на пустой желудок – не до веселья и шуток”), часто дрался с мальчишками и почти никогда не расставался с синяками и шишками. Зато, как мог, аккуратно пропускал уроки в школе.

Отец, хотя был далеко не в восторге от моей личности, но мою склонность к дракам, завидную способность легко и без жалоб сносить побои и ушибы оценил по-своему: решил со временем сделать из меня боевого офицера (он был солдатом первой мировой войны и питал почтение к офицерскому званию). Но, как говорится в горской поговорке: “Человек мечтает, а судьба смеется”. Бедный мой отец так и не увидел осуществления своей мечты. Он умер, когда мне было всего лишь тринадцать лет. Сельский знахарь, который в глазах моих добрых, но еще нецивилизованных односельчан – нюгдинцев имел больше веса, чем все “безбожники-врачи”, вместе взятые, желая вылечить моего отца от воспаления легких, выпустил из вены целый таз крови, а на рану наложил “бальзам” из... пыльной паутины.

Так я в тринадцать лет остался круглым сиротой, “самостоятельным” мужчиной поневоле.

Целый год, после смерти отца, я пас колхозных телят, а еще три года работал в полеводческой бригаде.

Когда мне стукнуло восемнадцать, я решил, что пора надеть на себя военную форму, о которой мечтал для меня покойный родитель. Председатель сельсовета Мииров, у которого черная папаха и не менее черная борода и одежда постоянно были покрыты мучной пылью (он по совместительству работал мельником, и мне всегда казалось, что из его бороды и одежды можно палкой выколотить столько муки, что вполне хватило бы на то, чтобы сварить хинкал), одним росчерком пера с легкостью необыкновенной прибавил к моим годам три недостающих мне года (в то время в военное училище не принимали моложе двадцати одного года).

Но военные врачи по какой-то неведомой мне статье забраковали меня, сочли негодным для военной службы на том основании, что у меня на ногах “почти гладкая подошва”. А когда началась Великая Отечественная война, меня в первый же день войны призвали в армию. После ее окончания, несмотря на то, что я был дважды ранен в боях, продолжал оставаться годным к военной службе. Итак, в общей сложности я прослужил около пятнадцати лет офицером: был бы жив отец, он, наверно, остался бы доволен.

Что еще рассказать о себе?..

Да, я имею семью, жену. Одно время стоило мне только подумать о том, что жена может родить мне дочку, я приходил в ярость, мысленно хватал кинжал и чик – одним взмахом сносил ей голову, точно головку репейника: я, как и мой отец, иметь дочерей считал обидным для мужчины (девочки, мол, не дети). Но, словно назло мне, родилась первая, затем вторая дочь. И что же? Голова моей покорной половины осталась на плечах целехонькой, но зато от того дикого бреда, вредного пережитка старины, в моей неразумной голове не осталось и следа. И когда болеет моя маленькая дочурка, у меня бывает такое состояние, будто душа моя прощается с телом.

К сожалению, многие приписывают мне качества, совсем мне несвойственные. Это тоже, конечно, своего рода невезение. Однажды зимой в Куйбышеве во время тридцатиградусного мороза, когда я собирался броситься в ледяную воду (есть у меня такая “дурная” привычка – купаться зимой), два подстерегавших меня милиционера, выскочив из своей засады, тут же схватили меня за руки, заподозрив в... сумасшествии. В другой раз, правда, несколькими годами позже, в хмурое и холодное ноябрьское утро 1945 года, когда я переплывал Одер, бдительный польский пограничник принял меня за “подозрительную личность” и едва не прошил очередь из автомата. А некоторые, читая мои “веселые рассказы”, думают, что я и впрямь веселый человек, интересный собеседник, остроумный шутник и т. д. и т. п. А на самом деле в жизни я человек скучноватый, мрачноватый, малоразговорчивый, неостроумный, лишенный всякого дара красноречия. Сам удивляюсь, почему меня тянет писать веселые вещи?.. Может быть, это оттого, что при всех моих личных недостатках я люблю людей, люблю куда больше, чем это кажется на первый взгляд...

Хизгил Авшалумов
1966 г.

Муж двух жен

С некоторых пор дремучая борода колхозного конюха дяди Эсефа, прозванного земляками Длинной Бородой, на глазах его изумлённых односельчан начала таять с угрожающей быстротой, как ледяная сосулька на солнце. Сперва из неё стали загадочно исчезать только серебристые нити, а потом и серебристые, и чёрные одновременно. Многие односельчане, привыкшие видеть пышную бороду дяди Эсефа, предмет его особой гордости и заботы, во всём её роскошном великолепии, с явным недоумением и даже некоторой тревогой смотрели на эту трагическую перемену. Но спросить об этом почему-то не решались, считали неприличным. А сам он хранил на этот счёт суровое молчание и даже делал вид, будто с его бородой ничего особенного не происходит.

Односельчане высказывали самые различные догадки и предположения относительно его катастрофически редющей бороды. Одни считали, что могучая борода дяди Эсефа пострадала от сглаза. Иначе, мол, и не могло быть.

Такая необыкновенная борода рано или поздно должна была стать жертвой дурного глаза. Другие, решительно отвергая подобное утверждение как нелепое суеверие, причиной лихой беды, постигшей буйную поросль на лице дяди Эсефа, считали моровую язву, будто прицепившуюся к ней. А иные с самым серьёзным видом уверяли, что жена дяди Эсефа, страдающая суставным ревматизмом, по совету врача собирается вязать себе на зиму самые тёплые носки из... волос, которые она ежедневно выдергивает по целому вороху из роскошной бороды мужа.

Прошло бы ещё немного времени и жалкие остатки некогда завидной бороды дяди Эсефа, ещё не так давно придававшей ему величественный вид библейского патриарха, бесследно исчезли бы с его лица, и эта тайна, окутанная для его односельчан мраком неизвестности, так и осталась бы неразгаданной, не случись с Длинной Бородой новой беды, более тяжкой и уже ничем непоправимой, о которой... А впрочем, не будем забегать вперёд...

... Вообще дядя Эсеф сам по себе – колоритная фигура. Высокий, как минарет, мощный, как дуб, с крупными чертами лица и густой аршинной бородой, которой могли бы позавидовать даже древние ассирийские цари – настоящие ценители и обожатели пышных бород, заметно выделялся среди своих односельчан.

Когда дяде Эсефу стукнуло пятьдесят лет, он с болью в сердце признался сам себе, что судьба несправедливо и жестоко обидела его, наградив пятью дочерьми и не дав сына. Боясь, что на всю жизнь останется холмом¹, он стал носить «кушак бездетности» и отращивать бороду. За каких-нибудь несколько месяцев его борода разрослась в ширину и длину до таких поражающих размеров, что затмила собой все другие бороды, как великолепный нарядный «шлейф» павлина – все остальные птичьи хвосты. Вот с тех пор односельчане и дали ему прозвище Длинная Борода.

Эсеф в душе не мог нарадоваться своей грандиозной бороде и был уверен, что если даже бог очень стар и подслеповат, то такую бороду, как у него, обязательно заметит, а заодно обратит внимание и на его кушак. Но прошло несколько лет, прежде чем дядя Эсеф с горечью понял, что скорее на вершине Шах-Дага свистнет рак, а на бесплодном камне зацветет ландыш, чем его покорная половина вновь станет матерью. Тревога вселилась в душу Длинной Бороды. Но при этом дядя Эсеф мысленно уверял себя и других, что он хочет мальчика вовсе не для того, чтобы тот был для него опорой на старости лет. Разве мало сейчас даже в их селе

¹ Холм – несчастный бездетный. По татскому обычаю, мужчина, у которого нет детей, называется холмом. Но холмом считается также и тот, у которого есть дочери, но нет сына. Некоторые суеверные таты-холмы носят специальный «кушак бездетности» (кишди хьомоли) и отращивают бороды, чтобы бог обратил внимание на их участь и даровал им сына.

стариков, которые получают от колхоза пенсию и живут себе, не зная нужды. Иные пожилые люди презирают дочерей, хотят обязательно мальчика, чтобы он после смерти отца молился за упокой души, иначе, мол, отцу не видать райских блаженств, а дочке запрещено молиться за отца. Если уж про кого и говорят: «у него борода длинная, а ум короткий», только не про него, Эсефа. Он, слава богу, ещё не спятил с ума, чтобы поверить такой нелепости, будто его сын, будущий юный пионер или комсомолец, станет молиться за то, чтобы душа Длинной Бороды лёгкой бабочкой порхала по райским лугам и садам, сидела в обнимку с обнажёнными райскими девицами на берегу прохладных ручьёв, в тени диковинных деревьев. Бог свидетель, он желает сына только для того, чтобы снять с себя обидное прозвище «хомол», поддержать честь своей папахи. Только ради этого он договорился с молодой незамужней женщиной по имени Аснат о тайном браке.

Правда, Аснат красотой не блещет, но зато эта черномазая и лупоглазая молодуха с пухлыми, точно надутыми, круглыми щеками обладает такой широкой грудью и воловьими бёдрами, что Длинной Бороде казалось будто из неё так и посыпятся дети, как спелые яблоки с яблони, когда её чуть-чуть встряхнёшь.

И вот, когда дядя Эсеф извиняющимся тоном осторожно поведал жене о своём намерении жениться на толстухе Аснат, она была так потрясена, что несколько минут не могла и слова вымолвить, будто онемела.

– Джан Эсеф, не позорь себя и меня на старости лет, – склонив голову набок, с дрожью в голосе принялась умолять его несчастная женщина, наконец обретая дар речи. – Посмотри в зеркало на свою бороду – она наполовину седая. Что подумают люди, какими глазами ты сам посмотришь на детей?.. – Она вздохнула и печально улыбнулась ему. – Да и закона такого нет при Советской власти, чтобы сельсовет разрешил одному мужу иметь двух жён.

– Родила бы мальчика, не женился бы! – сердито отрезал Эсеф, потрясая бородой, а потом, криво усмехнувшись, мстительно добавил: – Чтобы обзавестись второй женой, мне твой сельсовет вовсе не нужен. Если подмажу духовному отцу, он не только меня с Аснат, чёрта с ведьмой обвенчает. Важно, чтобы брачный договор, написанный им, лежал у меня в кармане.

... Вторая жена дяди Эсефа, толстуха Аснат, жила далеко, на окраине села. Длинная Борода этому был и рад и не рад. Рад оттого, что соперницы не будут встречаться каждый день, а то, чего доброго, не избежать скандала. Зачем ему это нужно? Тем более, что он ещё точно не знает, оправдает ли Аснат его надежды. Поэтому пока всё это надо держать в секрете. Даже курица, пока не снесёт яйцо, не кудахчет. Но с другой стороны, обладателю дремучей бороды было не по душе, что Аснат живёт далеко и ему приходится идти к ней поздно вечером, когда на улицах уже совсем темно и безлюдно. Но «сидя верхом на верблюде, в отаре не скроешься». Как Эсеф ни старался под покровом темноты никем не замеченным пройти на свидание к молодой жене, по дороге нет-нет да сталкивался каждый раз с кем-нибудь из односельчан, иногда с членами народной дружины. Не раз он слышал за своей спиной язвительные шутки, насмешки своих односельчан.

Как говорится: «когда неудачник купается в речке, к нему и лягушка прилипнет» Вчера в садах колхозники до позднего вечера справляли традиционный «праздник черешни» – первый день сбора ягод. Длинная Борода, нарочно сославшись на недомогание, весь день сидел дома и курил кальян. Но едва на улице стемнело, дядя Эсеф, сразу же забыв о своей «хвори», прихватив с собой приготовленный тайком от старой жены узелок с подарками для Аснат, осторожно выскользнул на улицу. Оставалось каких-нибудь сто шагов до её дома, когда полусогнувшаяся фигура старухи Саадат, известной во всём селе болтуни и сплетницы, как шайтан из-под земли, вынырнула перед ним из-за угла. Длинная Борода спрятал узелок за спину, молча кивнул ей головой в знак приветствия и подобострастно улыбнулся. Тётушка Саадат, подозрительно и насмешливо окинув его длинную фигуру, к ужасу Эсефа, вдруг заговорила

с ним таким неестественно громким голосом, точно она обращалась к глухому или её с Эсефом сейчас, по меньшей мере, разделял горный поток.

– С праздником тебя, о Эсеф!.. Куда тебя несёт в такое время?.. Все добрые люди продолжают отмечать праздник, а ты ходишь по селу, как неприкаянный?!

«Знает же, карга старая, наверняка знает, куда я иду, но кричит нарочно так, чтобы об этом слышали другие», – с возмущением и страхом подумал Длинная Борода.

Желая скорее отделаться от назойливой старухи, не вызывая, однако, её недовольства и не давая лишнего повода для её сплетен, дядя Эсеф заставил себя приятно оскалиться. Он в свою очередь поздравил «добрейшую» тётю Саадат с праздником, сказав ей при этом, что спешит проведать больного, которого надо подбодрить, утешить...

– Иди, дорогой, иди утешь, бог тебе на помощь, – с деланным сочувствием вздохнула старуха, сдерживая улыбку.

Встреча с Саадат сильно расстроила Длинную Бороду. Поэтому, придя к молодой жене, он безо всякого воодушевления поздравил её, выпив чарку-две вина, сразу же лёг и вскоре залился богатырским храпом, несмотря даже на то, что Аснат, как только Эсеф склонил отяжелевшую голову на подушку, по обыкновению взялась за его бороду... У Аснат уже вошло в привычку: едва муж ложился спать, она начинала перебирать седые волосы в его бороде и безжалостно выдергивать их один за другим, чтобы он выглядел моложе своих лет. И Эсеф ради своего будущего потомка терпел всё, позволяя ей такую блажь. Но вот горе, за последнее время она часто не то по неосторожности, не то по небрежности вместе с седыми волосами выдёргивала и чёрные, нанося его бороде невосполнимый урон.

И вот в праздничную ночь, как только усталый, озабоченный и слегка охмелевший дядя Эсеф заснул, ему приснился странный сон. Почему-то одна половина его бороды – белая-белая, как горные облака, а другая – чёрная, как грозовая туча. И обе его жены в какой-то бешеной ярости мертвой хваткой вцепились в его злополучную бороду и каждая из них с силой дёргает ее, как всё равно туго засевший гвоздь в стене, молодая – белую половину, а старая – чёрную, не обращая внимания на его отчаянные крики и угрозы. В этот самый момент, когда жёны раздирали его бороду, дядя Эсеф проснулся от нестерпимой боли. Открыв глаза, он обалдело посмотрел на полуобнаженную жену. Та сидела у его изголовья и на самом деле тянула его за... бороду. Пока дядя Эсеф спросонья соображал, что жена с ним вытворяет, его чуткий слух явственно уловил какой-то подозрительный стук в окошко. Колхозный конюх решил, что Аснат, дёргая его за бороду, непременно хотела проверить: крепко ли спит он, чтобы затем впустить к себе другого, наверно молодого возлюбленного....

Спустя несколько минут дядя Эсеф, оскорблённый и возмущённый коварной изменой молодой жены, с развевающейся общипанной бородой бежал как очумелый через всё село в направлении своего дома, где старая жена, мучавшаяся от ревности и унижения, не ожидала скорого его возвращения. Обманутый двоеженец, не замечая ничего под ногами и вокруг себя, сгоряча врезался в стаю собак, собравшихся сейчас почти со всего села на «собачью свадьбу». Рассерженные его неожиданным вторжением, собаки всполошились и, обнажив острые белые клыки, будто смеясь над одураченным Эсефом, дружно накинулись на него с громким лаем. Отбиваясь от разъяренных псов, Эсеф принялся усердно размахивать пиджаком, который от волнения забыл надеть на себя и держал в руке.

На следующее утро Длинная Борода прежде чем выйти на улицу, по привычке запустил руку в карман пиджака, но не обнаружил там бумаги, на которой был написан его брачный договор с Аснат. Эсеф всегда хранил его при себе, чтобы он не попал в руки старшей жены. Тревожные предчувствия охватили его: неужели вчера ночью, когда он отбивался от псов, размахивая пиджаком, брачный договор выпал из кармана? Правда, теперь он для него всего лишь пустая, ненужная бумага, но он боялся, как бы брачный договор не попал в чужие руки, не вызвал в селе нежелательные толки и пересуды по его адресу. Поэтому он, недолго

думая, сразу же пошёл искать его по вчерашним следам. Когда Эсеф добрался до майдана, где обычно собирались на досуге сельчане, он невольно обратил внимание на столпившуюся перед большим щитом группу людей, среди которых была и старуха Саадат. Они что-то читали и надрывались от хохота, то и дело посматривая в его сторону.

– Это я нашла его на улице рано утром и сразу же отнесла в штаб дружины, – разгибая спину, с торжествующим видом оглядела собравшихся тётя Саадат, тыча морщинистым пальцем в щит.

Каждый острил на свой лад:

– Вот отчего, оказывается, его борода, на которой было больше волос, чем на конском хвосте, поредела за последнее время, как листья на дереве после урагана!..

– Это ещё что, увидите, как она у него без хны покраснеет, когда встанет перед общественным судом...

Под иронические улыбки и осуждающие взгляды односельчан дядя Эсеф, потупив глаза, осторожно, словно ступая по скользкой почве, медленно подошёл к ним. Те, сохраняя насмешливые улыбки, дружно расступились перед ним и «почтительно» пропустили его вперёд.

Первое, что бросилось в глаза Длинной Бороде при взгляде на щит, – это его брачный договор с толстухой Аснат, который был прикреплён к сатирической газете «Крокодил ходит по селу», а рядом с ним – его смешное изображение с несколькими длинными волосинками на почти голом подбородке. Эсеф машинально, точно в полузабытьи схватил дрожащей рукой общипанную бороду, но, почти не ощутив её, в ужасе отшатнулся, растерянно оглядываясь по сторонам. Земля дрогнула под его ногами...

Сосед мой – враг мой

Ассалам алейкум, товарищ редактор! Умоляю Вас, напечатайте о моём соседе Сары-Самаде², который проживает в селении Узун-Бурни³ напротив водяной мельницы (да чтоб он угодил своей рыжей головой под её тяжелые жернова), один острый фильетун. Хоть и говорят, что близкий сосед лучше далёкого брата, а вот мой сосед Сары-Самад – злой враг мне, и сам не знаю почему. Он до того надоел, замучил меня, что если можно было бы уложить всё своё хозяйство: дом, двор, сад, скотину вместе с женой в одну торбу, валлах, ни одной минуты не остался бы жить с ним рядом. Взвалил бы всё это себе на плечи и, несмотря на мои пятьдесят восемь лет, бежал бы отсюда без оглядки, как от землетрясения. Что же делать, если он такой невыносимый человек.

Жить с ним по соседству, клянусь Вам, нисколько не лучше, чем очутиться на дне глубокого колодца один на один с шахмаром⁴, да чтобы шахмар ужалил его ядовитый язык.

Мне говорили, что раз пишешь в газету – давай факты. А фактов у меня против Сары-Самада хватило бы на целый чувал⁵. Но я приведу только несколько из них. «Веревка хороша длинная, а речь – короткая».

Начну хотя бы с того, что он, мой сосед, ходит по селу и распространяет обо мне гнусные хабары, будто я нарочно огородил свой двор и сад каменным забором из-за ревности к своей молодой жене и что прячу её от любопытных взоров, как купец свою мошну, зная, мол, «женитьба старика – кейф⁶ для молодых».

Как поворачивается у него язык сказать обо мне такое, если моя жена почти каждый день на виду у тысячи людей торгует в городе на рынке ягодами и фруктами из моего сада. А когда она не успевает за день продать привезённое, даже остается ночевать там у какого-то своего дальнего родственника.

Со своей старухой я принужден был развестись, взять новую жену, потому что от моей прежней жены не было ни толку, ни проку ни мне лично, ни нашему хозяйству. Женщина она хилая, слабая, к тому же бесплодная. Кроме того, иного легче снарядить на Луну, чем заставить было её отправиться на рынок в город, хотя от города до нашего Узун-Бурни рукой подать.

Не отрицаю, я действительно огородил свой двор и сад, чтобы не вводить в соблазн посторонних: «глаз не увидит – сердце не захочет». Но жена моя, скажу я вам, тут совсем не при чём. У меня, чтобы не сглазить, самый красивый и самый богатый сад в селе. Поэтому кому не лень тащился ко мне в сад любоваться им и полакомиться фруктами, как будто это джамаатский⁷ или колхозный сад, где можно, не платя ни гроша, наесться вдоволь и насорить. А это всё равно, что лезть ложкой в чужую кастрюлю. А ведь капля к капле образует ручеек, копейка к копейке – рубль, а ягодка к ягодке – кучку. А жена моя за каждую кучку берёт на рынке с покупателя рубль, а то и подороже. Зачем я должен терять лишние рубли?

Они с неба не валятся.

Потом, если разобраться, женщину в тридцать лет разве можно считать молодой?.. В былые времена многие женщины в нашем селении в возрасте моей жены ходили в бабушках.

² Сары – рыжий

³ Узун-Бурни – длинный нос.

⁴ Шахмар – одна из разновидностей ядовитых змей.

⁵ Чувал – большой просторный мешок из паласов для ссыпки зерна.

⁶ Кейф – веселье, удовольствие.

⁷ Джамаатский – общинный.

А он, мой сосед, выдаёт её за молодую – лишь бы наговорить на меня. Как видите, Сары-Самад бессовестно клеветает на меня, невинного человека.

Наберитесь, пожалуйста, терпения, послушайте дальше...

Недавно он, мой сосед, обозвал меня сорняком, да ещё при всей бригаде. Он так и сказал: «Ты, говорит, Гамбар, зловредный сорняк в дружном всходе колхозного посева, не мешало бы, мол, химической прополкой и мощным, как его, культиватором уничтожить сорные растения на полях твоего сознания...»

Да чтобы этот самый культиватор прошёлся по его хребту, какой же я сорняк, если всю жизнь сам борюсь с этими сорняками, как всё равно, если бы они были бы моими личными врагами. Ему на лысине своего отца легче отыскать чертополох или другой сорняк, чем в моём саду!

И оскорбил он меня, можно сказать, зря, нипочём. Во время работы на прополке овощей ребята устроили перекур.

Сам я не балуюсь табаком: курить – это не только прожигать здоровье, но и деньги...

И вот, пока ребята курили, разговаривали, меня начало клонить ко сну. Чтобы не помешать им, я потихоньку встал, отошёл подальше, отыскал неподалёку большой куст и лёг под ним. Проснулся, когда уже солнце начинало садиться над ближним лесом, вернее, не я проснулся, а меня разбудил Сары-Самад, мой сосед. Оказывается, в это время стадо возвращалось в селение, а коровы и бычки, приближаясь к кусту, где я лежал, шарахались в сторону или пугливо обходили его. Этим они привлекли внимание Сары-Самада, который в это время возвращался домой с саженью в руках (он у нас работает учётчиком).

Говорят: «На хромого козла и скала рушится». Обычно животные боятся, если в кустах (не про нас с вами будь это сказано) валяется покойник или затаится зверь. А с чего они, глупые создания, испугались меня, здорового, мирно спящего человека, и тем привлекли внимание моего недоброго соседа – понять не могу.

И вот на следующий день мой сосед в присутствии всей бригады смешал быль с небылицей, правду с ложью и начал клеветать и чернить меня. Он говорил, что я будто бы весь день проспал в кустах, когда другие не жалели себя в работе, чтобы перевыполнить норму, что это не первый и, наверное, не последний случай с моей стороны. По его словам, меня однажды находили вот так спящим в разгар рабочего дня в «Донгуз камыше»⁸, а в другой раз под стогом сена, что я днём на колхозной работе отсыпаясь, чтобы потом всю ночь корпеть в своём саду.

Почти на все его клеветнические наветы у меня есть опровержение. Во-первых, я проспал в кустах не весь день, а три четверти дня, то есть после первого перекура – надо быть точным. Если сосед недолгобливает соседа – это вовсе не значит, что ему дозволено говорить про него всё, что взбредёт ему на ум. Во-вторых, я в зарослях «Донгуз камыша» никогда не спал, зная, что это – излюбленное место свирепых диких кабанов. Не такой я глупый, чтобы по своей охоте подставлять свою голову под их острые клыки. Пусть это делает Сары-Самад, если ему его рыжая голова надоела, – хоть раз в жизни сделал бы приятное своему соседу.

И под стогом сена никто не видел меня спящим в рабочее время – враньё! Видели только под копной свежескошенного сена. Гм, человек даже не может толком отличить копну от стога, а берётся поучать других. А то, что по ночам я подолгу и усердно работаю в своём хозяйстве, – это правильно. В колхозном хозяйстве, дай аллах берекет⁹, пятьсот дворов, а в моём – я один.

⁸ *Донгуз-камыш* – кабаный камыш.

⁹ *Берекет* – хлеб, добро.

Но меня, товарищ редактор, особенно вот что возмущает. Несмотря на то, что я опроверг все наветы моего соседа, собрание бригады всё же вынесло решение просить правление колхоза оштрафовать меня на пятнадцать трудодней.

Как же это так?! С одной стороны, меня чуть ли не на каждом собрании ругают и поносят, что не вырабатываю минимума трудодней, а с другой – сами же режут их. Да так у меня никогда не наберётся этого самого минимума...

Коротко о вчерашнем случае, рассказом о котором хочу закончить своё письмо к Вам. Вчера он, мой сосед, чуть не натолкнул меня на смертоубийство и не свёл с ума. Да, да! А было это так. Поздно вечером возвращался я со свадьбы домой, а жены моей опять не было дома. Она осталась ночевать у своего дальнего родственника. Когда я вышел во двор, смотрю, у меня в саду под черешневым деревом стоит незнакомый человек с куцей бородкой и в соломенной шляпе. Он тянет на себя ветку с ягодами, а сам нахально смеётся мне в лицо, оскалив рот.

– Вон из моего сада, хам! – кричу я на него, – не для того, говорю, вырастил я в поте лица эти черешни, чтобы ты даром лопал их, да ещё усмехался надо мной!

А он – ни с места: ни стыда, ни страху. Я вспыхнул, как спичка, тем более, выпивши был, вынес в горячке ружьё из дому и пальнул в вора. Незнакомец упал без звука, как подкошенный. Как только я опомнился, понял, что натворил, мне стало страшно, весь покрылся холодным потом. Бросив ружьё, я кинулся бежать к калитке, но от растерянности наткнулся на каменный забор и расшиб в кровь себе лоб. Мне показалось, что это он, вернее призрак убитого, догнал меня и изо всех сил хватил камнем по голове. И я поскорее спрятался в доме. Сколько страхов натерпелся я вчера ночью – не дай аллах даже врагу вашему.

Ещё хорошо, что на мой выстрел никто не прибежал потому, что вчера ночью стрелял из ружья не я один. В нашем селении издавна существует обычай: когда жених впервые переступает порог комнаты невесты, где им с сегодняшнего вечера предстоит жить как супругам, наши односельчане выходят за околицу села, стреляют в воздух, приветствуя этим зарождение новой семьи, как будто без их «приветствия» дело не обойдется. Поэтому на мой выстрел никто и не обратил внимания.

Утром, едва дождавшись рассвета, я, подавленный, еле живой, притащился в сад. И как только подошёл к тому самому месту, где вчера ночью упал незнакомец, я остолбенел от изумления – под черешневым деревом на мокрой от утренней росы взрыхлённой земле лежал не человек, а... обыкновенное чучело, но с козлиной головой. Губы сверху и снизу надрезаны. От этого казалось, что коза, вернее голова её, смеётся во весь рот.

Меня охватила такая бурная радость, что не могу выразить Вам словами, будто заново на свет родился. Я плакал и смеялся. Но вскоре моя радость сменилась острым гневом на моего недоброго соседа, Сары-Саада. Я вспомнил, как он совсем недавно упрекал меня при всех, говоря: «Ты, Гамбар, пережиток прошлого, жадный собственник, можешь из-за пары ягод человека убить...»

Я сразу сообразил, что эта дьявольская шутка – дело его рук, и клетчатый пиджак на чучеле я не раз видел на нём.

Поспешно завернув шляпу и козлиную голову в пиджак, снятый с чучела, я сегодня утром отправился в райцентр к прокурору жаловаться на Сары-Саада. А как же иначе. Но обидно то, что прокурор совершенно безразлично отнёсся к моей жалобе, да ещё посмотрел на меня так неласково, так недружелюбно, будто во всём виноват не он, мой сосед, а я. Получилось, как в старинной пословице: «Иди заяви хакиму¹⁰, а хаким сказал – убирайся к черту!»

¹⁰ Хаким – начальник.

Будьте справедливы, посудите сами: разве после всех пакостей, которые причинил мне, безвинному человеку, мой сосед, он не заслуживает, чтобы Вы написали о нём острый, как кубачинский булат, фильетун, да чтобы фил¹¹ придавил его вместе с прокурором!..

¹¹ *Фил* – слон.

Как я воскрес

Я умер. Но умер не наяву, а во сне и поэтому видел, чувствовал и слышал всё, что происходило со мной и вокруг меня.

Едва неумолимый ангел смерти – Азраил вместе с последним вздохом отнял мою душу, меня раздели догола и сняли с кровати (покойнику, мол, незачем без дела валяться в постели). Тело мое еще не остыло, когда его положили на голый пол в одном из углов комнаты (теперь все равно никакая хворь к нему не пристанет). Угол завесили белой простыней (неприлично ведь взрослому мужчине, если он даже мертв, растянуться нагишом на виду у всех). У моего изголовья поставили священный огонь – зажженную лампу.

Потом меня тщательно омыли горячей водой (видимо, в рай не пускают без предварительной санобработки), завернули в белоснежный саван.

После всех этих и других процедур, предусмотренных обрядом (знаете, иногда живому легче попасть на приём к начальнику-бюрократу, чем покойнику в свою яму), меня положили на погребальные носилки, накрыли черной материей и быстро понесли на кладбище.

Впереди процессии шли мои сестры, тетки, двоюродные и троюродные сестры моей бабушки (жена осталась с детьми дома, она от горя не в состоянии была двигаться).

Все мои родственницы рвали на себе волосы, царапали себе лица, прыгали и громко причитали. Выше всех прыгала, несмотря на свои шестьдесят лет, и громче всех причитала моя мачеха. Пусть, мол, люди знают, что она, мачеха, тяжелее всех переживает кончину своего пасынка.

И, глядя на мачеху, я невольно вспомнил свое безрадостное детство: как она из-за лишнего куска хлеба била меня смертным боем и как за малейшую провинность щипала и кусала меня.

«Эх, мачеха, мачеха! – думал я с горечью. – Если бы ты с таким же усердием работала бы в колхозе, с каким колотила меня, валлах, твоё имя давно занесли бы на Доску почёта».

Но я смотрел на все происходящее беспристрастно, равнодушно, как и полагается мертвому. Однако, когда со своих носилок, покачивающихся на плечах моих согласно шагающих друзей, как на волнах, я бросил прощальный взгляд на родной город, освещенный лучами предзакатного солнца, меня охватили невыразимая тоска и волнение. Он, этот город, был мне дорог и мил. Здесь я вырос, познал волнения первой любви. Город из года в год рос и хорошел на моих глазах. Многие здания в нем были выстроены при моем участии, и я смотрел на них, как смотрит старый садовник на деревья, посаженные и выращенные его заботливыми руками (при жизни я был бригадиром одной из строительных бригад).

Горькая, как полынь, жгучая, как молния, мысль о том, что я на веки вечные расстанусь со своим городом, детьми, женой, что я умираю, не дожив до старости, возмутила меня, все во мне восстало.

Мне пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы подавить в себе эти земные переходящие чувства и покориться своей участи, памятуя, что покойник должен вести себя, как жених перед венцом, – тише воды, ниже травы, иначе потеряет уважение со стороны живых.

Всё шло чинно и строго, как полагается по обряду.

Похоронная процессия вступила на кладбище. Носилки со мной осторожно сняли с плеч и бережно положили у свежевырытой могилы, откуда несло сыростью и тленом. Кругом возвышались надгробные камни и безымянные холмики, застывшие в скорбном молчании. Они наводили меня на грустные мысли. Невольно приходили на память печальные строки величайшего из поэтов Омара Хайяма:

*Друг мой, в могилу скоро ляжешь ты,
Где света нет, любви и красоты,
Слушай, эту тайну никому не открывай, —
Не расцветают вновь увядшие цветы...*

Я ждал: вот-вот снимут меня с носилок, положат в яму, и мир с голубым небом, горячим солнцем и мерцающими звездами навсегда захлопнется передо мной. Но в это время чей-то голос объявил об открытии траурного митинга по поводу моих похорон. От имени коллектива и профсоюзной организации СМУ дали слово пожилому мастеру Дада Бадаеву, бригадиру второй строительной бригады, с которой соревновалась моя бригада.

Грусть моя несколько смягчилась, когда я услышал его знакомый и сердечный голос. Я не сомневался, что этот седой человек с добрыми глазами скажет обо мне людям несколько задушевных слов...

Но какой же удар я испытал, когда увидел, что он вытащил из кармана несколько листов, напечатанных на машинке, и, запинаясь, начал читать, впиваясь близорукими глазами в текст:

«За последние годы у нас повсеместно широким фронтом развернулось жилищно-бытовое строительство... Наш боевой девиз – строить быстро, дешево и высококачественно...»

Дальше оратор сообщил похоронной процессии о производственных показателях нашей строительной организации, доложил, где и что она строила за последние годы, упомянул несколько передовиков производства, в том числе и меня. Обо мне он сказал, что я «ловко орудуя мастерком и свободной левой рукой, в одну смену перекрывал по две с лишним нормы».

Старик и сам, видно, чувствовал, что говорит не то. Он с досадой дергал головой, хмурился, кряхтел, но продолжал читать речь, написанную, видимо, для него каким-то административным сухарем. В конце своего выступления он бросил все-таки в мою сторону поспешный взгляд, но, боясь надолго оторваться от бумаги, продолжал чтение:

– Дорогой Хизгил! Пусть трехэтажный двадцатиквартирный дом, который мы строим со всеми коммунальными удобствами на улице Веселые ребята, будет памятником тебе за твой доблестный труд в нашем коллективе. Спи спокойно, дорогой... Прощай и до свидания!..

Я незаметно обвел взглядом лица столпившихся на кладбище людей. Нарушив приличествующую моменту скорбь, они – о, ужас! – весело улыбались. Один коротконогий, большоголовый, пучеглазый толстяк без всякого стеснения хихикал так, будто его щекотали.

От досады и возмущения я чуть не повернулся на носилках. «Ну зачем доброму Дада Бадаеву потребовалось выступать с этим отчетным докладом на моих похоронах? – сокрушался я. – Неужели в дни большой радости или большого горя у каждого из нас не найдется несколько сердечных слов?... А какое же горе больше, чем смерть друга, товарища?... Ведь в человеческом языке столько славных, верных слов. Неужели я только и занимался в своей жизни тем, что «ловко орудовал мастерком и сжимал кирпич левой рукой?» Разве не был я любящим мужем, нежным отцом, верным другом, разве не было у меня радостей и горестей, мечтаний и стремлений?! Почему обо всем этом не сказали ни слова?»

Толстяк, придерживая обеими руками свой тугой живот, точно боясь уронить его, уже не хихикал, а хохотал.

Вдруг и мне самому стало смешно. Сперва тихо, а потом все громче и громче начал я хохотать. Всё мое тело содрогалось от смеха.

Как я ни старался сдержаться, ничего не выходило. (Что это за порядок, если покойники начнут смеяться над живыми, – до сих пор всегда было наоборот).

От моего громкого, раскатистого смеха черное покрывало над носилками колыхалось всё сильнее, как от крепкого ветра. К удивлению всех, я вдруг ожил, встал и сбросил с себя мрачное покрывало.

Я слышал, что смех излечивает от многих болезней, а на этот раз смех излечил меня от самой страшной штуки – смерти.

Проснувшись в то утро, я сказал жене: – Знаешь, если я умру раньше тебя, пусть над моей могилой не устраивают митинга.

Невеста с сюрпризом

Однажды звездной майской ночью, богатой событиями 1921 года, молодой партизан Шариф Шарипов возвращался в родной аул.

Больше года Шариф не был дома. Узкая каменистая дорога то круто рвалась вверх, то резко, будто в бездну, падала вниз. Старая берданка билась за плечом Шарифа, он шагал и думал о том, как встретят его мать, односельчане.

Шариф возвращался в аул, как и уходил из него год тому назад, без единого гроша в кармане, в изношенном рваном чохо и истоптанных чарыках. Но на душе у молодого человека сейчас было весело и радостно.

Время от времени Шариф заботливо поправлял выдавшую виды облезшую папаху, осторожно, почти нежно касался пальцем гладкой красной ленты, на которой была прикреплена маленькая пятиконечная звезда. Предложи ему сейчас самую дорогую папаху вместо его ободранного порзе¹², он ни за что бы не согласился. Не променял бы он ее даже на знакомую ему серебристо-серую каракулевую папаху с блестящим зеленым бархатным верхом, гордо красовавшуюся на голове его односельчанина богача Асланбека.

Пусть у него, у Шарифа, папаха из простой овчины, старая, облезшая, отдает горьковато-острыми запахами прокисшего сыра, чеснока и пота, но зато она украшена красной лентой – почетным знаком его принадлежности к победившей революции. А горец, как известно, носит папаху прежде всего не для того, чтобы она предохраняла голову от жары или стужи, а как символ мужской чести и достоинства.

Но он, Шариф, не забыл, как однажды взбесившийся богач Асланбек топтал ногами вот эту самую папаху...

Это было три года тому назад. Восемнадцатилетний батрак Шариф, усталый, загорелый, в темной от пота грубой бязевой рубашке, возвращался на закате домой. Весь день, не разгибая спины, под палящим августовским солнцем убирал он хлеб на полях Асланбека. Шариф знал, что дома у старухи-матери, у которой он был единственным кормильцем, не было в тот день и горсточки муки, чтобы к вечеру она могла испечь горячую лепешку, которую мать обычно подавала ему на ужин вместе с прохладным айроном из козьего молока. Поэтому, возвращаясь с поля, он захватил с собой пшеничный сноп, чтобы вручную вымолотить его дома.

Наверно, про таких, как он, Шариф, говорилось в пословице: «День бедняка начинается горем и кончается стоном». Когда он по кривой и тесной улочке родного аула, зажатой с обеих сторон серыми, плоскокрышими саклями, пробирался домой, неожиданно на повороте встретился ему хозяин. Тот, как почти всегда в последнее время, был пьян и шел, слегка пошатываясь, старательно глядя себе под ноги, чтобы не споткнуться. Богач поминутно морщил лицо, еще не старое, но уже немного рыхлое, словно во рту чувствовал какую-то горечь, отчего его черные, лихо закрученные усы беспрестанно вздрагивали.

Шариф вежливо поздоровался с Асланбеком и встал спиной к стенке сакли, почти уступая ему дорогу. Услышав приветствие юноши, Асланбек сразу остановился, обернулся к нему. Вялым, небрежным движением он отодвинул назад серебристо-каракулевую папаху с зеленым бархатным верхом, словно она сейчас мешала ему хорошо разглядеть парня. Большие, немного выпуклые серые глаза Асланбека уставились на батрака тупо и рассеянно. Но, заметив сноп с тугими желтыми колосьями в руке своего батрака, Асланбек побагровел.

¹² Порзе – кусок старой, рваной овчины.

– Ты это что, с-собачий с-сын! – положив руки на бедра, с нескрываемой ненавистью и насмешкой процедил он сквозь зубы. – Мое добро вздумал растаскивать, как будто меня уже и в живых нет, или я теперь, – он с силой ударил себя кулаком по груди, – не хозяин своему добру, если такие, как ты, безбожники и бунтовщики свергли царя с престола, а?!

Ярость душила богача и мешала говорить. В мгновение ока Асланбек сорвал с головы растерявшегося юноши папаху, с силой ударил ее о землю и принялся топтать ногами.

– Ты не мужчина, достойный носить папаху, а вор! – злобно выкрикивал он при этом в каком-то неистовом самозабвении. – Ты не мужчина!..

Воспоминание об этом всегда уязвляло мужскую гордость Шарифа, вызывая в душе бурное, но бессильное негодование. Но сейчас он вместе с острой ненавистью к своему обидчику почувствовал и мстительное злорадство. Вот он теперь покажет этому усатому шайтану, кто из них настоящий мужчина!

Мать писала ему, что богач со своими верными нукерами уходил в банду имама Гоцинского, теперь разбитую Красной Армией и партизанами в пух и прах. Говорят, после этого заносчивый и самоуверенный Асланбек и носа не показывает в ауле, страшится джамаата, прячется где-то. Только иногда тайком, среди ночи, как вор, подкрадывается он к аулу, посещает свой дом и, не дожидаясь утра, захватив с собой провизию, исчезает опять куда-то, как дух перед рассветом.

Рассуждая так сам с собой, Шариф не заметил, как подошел к аулу. Теперь он уже шагнул мимо окрестных садов, стоявших в пышном цветении, источающих густой, пьянящий аромат. Казалось, белые пушистые облака спустились на ночь с вершины высоких гор и окутали деревья.

Он шел бодро, с веселой улыбкой оглядываясь по сторонам.

Выйдя на край аула, Шариф остановился и в волнении окинул его нетерпеливым и радостным взглядом. В саклях было темно, аул погружен в сонное безмолвие. Но молодому партизану показалось несколько странным то, что его родной аул выглядит точно таким же, каким он покинул его год назад, словно в мире не произошло за это время никаких особенных перемен. Даже каменный двухэтажный дом Асланбека, его кровного обидчика и имамовца, по-прежнему кичливо возвышался над неприметными саклями бедняков, как бы подчеркивая этим свое могущество и превосходство над ними.

Шариф с ненавистью посмотрел на этот дом, будто на самого его хозяина. Поправив на голове папаху и старенькое ружье за плечом, он решительно направился прямо к дому Асланбека: а вдруг он дома?..

Подойдя к узкой двери под высоким балконом из резного дерева, Шариф тихо, потом все громче принялся стучать. Прошло несколько минут, прежде чем за дверью раздался настороженный женский голос:

– Кто?!..

Шариф узнал по голосу мать Асланбека – Зейнаб.

Он живо представил себе седую и прямую, как шест, старуху, не по годам подвижную, с надменно-насмешливым лицом и хитрыми, выпуклыми, как у сына, серыми глазами.

– Это я! – строго произнес Шариф и, гордо распрямив плечи, поспешно добавил: – Партизан Шариф. Открой!..

– Дома никого нет, – не сразу произнесла старуха.

Юноша знал, что это означает: дома нет никого из мужчин, а женщины в счет не идут. Услышав это, он почувствовал некоторое разочарование, но решив, что его могут обмануть, он, недолго думая, снял с плеча берданку и начал прикладом бить в дверь, несмотря на неистовый лай, поднятый во дворе собаками.

Прошло еще несколько минут, и за дверью раздался лязг засова. Войдя в большую просторную комнату, Шариф окинул ее быстрым подозрительным взглядом. Но дома действи-

тельно никого из мужчин не оказалось, были одни женщины: мать Асланбека, две его жены и несколько ближайших родственниц. А в самом дальнем углу, на тяжелом сундуке, покрытом таким же ярким разноцветным ковром, какими были украшены стены и полы комнаты, сидел кто-то вроде невесты. И как положено ей, невесте, она сидела с закрытым лицом, тихо, в неподвижной позе, как изваяние. Большой белый шелковый платок величиной с полпростыни закрывал всю ее фигуру с головы до самых носков.

Одна из девушек стояла по правую руку невесты, а другая – по левую.

Шариф почувствовал себя неловко оттого, что не поверил словам старухи и среди ночи ворвался в чужой дом, где одни женщины. И чтобы скрыть свое смущение, он, нарочито нахмутив брови, раза два молча и строго прошел по комнате, потом, остановившись, снял с головы папаху, повертел в руке, погладил со всех сторон и опять водрузил на место. Женщины, сбившись в кучу, с угрюмым молчанием и плохо скрытым страхом наблюдали за каждым шагом и каждым движением непрошеного гостя.

– Невеста?.. – показывая глазами в угол, сдержанно улыбаясь, тихо, почти миролюбиво спросил он Зейнаб, нарушая первым тягостную тишину.

Та, в отличие от других женщин, держалась непринужденно, стараясь придать своему лицу ласковое, приветливое выражение.

– Да, невеста, – кивнула старуха головой, потом, подойдя ближе к нему, доверительно, с теплыми материнскими нотками в голосе добавила: – Свою служанку выдала замуж за парня из соседнего аула. Скоро должны приехать за невестой.

Услышав это, Шариф недовольно, почти враждебно покосился на старуху: ему стало обидно за невесту, жаль ее. Где это видано, чтобы провожали невесту из дому вот так, без веселья, без радости, без зурны? Небось, если она была бы не служанкой, а родной дочерью этой старой ведьмы Зейнаб, непременно позаботились бы о том, чтобы все было так, как положено на свадьбе. Да еще вдобавок у всех женщин такие лица, как будто дома не невеста, а покойник.

– Разве так провожают невесту из дому? – строго спросил он хозяйку. – Где музыканты?..

Старая Зейнаб, горестно сложив руки на груди, сделала скорбное, плачущее лицо.

– Да чтобы ослепнуть мне, сынок, разве нам сейчас до музыки и веселья!? Плакать нам в пору, а не веселиться, – начала она оправдываться перед Шарифом. – От сына моего никаких вестей, не знаю, жив ли он, не дай аллах, погиб ли...

Шариф резко отвернулся, не желая слушать хныканье старухи о сыне. Он подошел к курносой девушке, стоявшей по правую руку невесты прямо, неподвижно, с непроницаемым и строгим лицом, точно часовой на охране особо важного объекта. Шариф приказал ей сейчас же сбегать за музыкантом. И она из страха и почтительности перед суровым партизаном, не глядя ни на кого, пулей выскочила из дому.

Вскоре она вернулась с музыкантом, худым, немного сутулым пожилым человеком с седыми обвислыми усами и веселыми улыбающимися карими глазами. Без него в ауле не проходило ни одного торжества, ни одной свадьбы. В любое время дня и ночи Сафар (так звали музыканта), захватив свой волшебный инструмент, тотчас же с готовностью являлся на зов.

Старый зурнач и молодой партизан на виду у женщин, не скрывая своей радости от встречи, сердечно обняли друг друга и расцеловались. Затем Сафар скромно отошел к стене, вынул из кармана зурну, и тотчас же комната наполнилась пронзительно-веселыми звуками. Первой захлопала в ладоши старая Зейнаб и ее примеру тут же последовали остальные женщины. Шариф, откинув голову назад и взметнув руки в стороны, словно крыльями, с гордой счастливой улыбкой на лице пошел танцевать. Подойдя к невесте, он встал на цыпочки, вытянувшись в струнку, кивком головы почтительно пригласил ее танцевать. Но невеста

продолжала сидеть молча, неподвижно. Тогда Шариф весело и озорно топнул ногой перед ней, как бы напоминая ей о своем твердом желании станцевать с ней. Наконец невеста встала и, подняв руки, грузно поплыла перед ним. Только сейчас молодой человек с удивлением заметил, что у невесты подозрительно большой живот, до того большой, что заметно выпирает даже из-под шелкового покрывала и при каждом резком движении странно вздрагивает и ходит из стороны в сторону. Шариф с брезгливым ужасом подумал, что невеста, очевидно, в положении... Видимо, старая Зейнаб и ее родственники из-за этого только решили без шума, втихую, без посторонних свидетелей сплавить ее, отправить к жениху, по всей вероятности, виновнику ее положения. Теперь он понял и причину нерешительности и колебания невесты, когда он приглашал ее танцевать. И невольно подумал, что как должно быть ей сейчас неловко и стыдно перед ним, Шарифом. Да и сам он чувствовал себя весьма неприятно и с нетерпением ждал, когда невеста первой выйдет из круга, чтобы поскорее уйти отсюда. И Шариф в душе начал укорять себя за то, что затеял все это, заглянул в этот ненавистный ему дом.

Вдруг что-то большое и круглое с глухим ударом упало на пол из-под платья невесты и колесом покатилося к ногам ошеломленного молодого человека. Как ни странно, это был сыр, обыкновенный овечий сыр. Не успел Шариф прийти в себя, как на пол градом посыпались солидный кусок желтого сушеного курдюка, два чурека, несколько головок чеснока, какая-то бутылка, не то с вином, не то с уксусом... На глазах пораженного юноши произошло чудо: живот у невесты опал, как кузнечный мех, из которого разом выкачали воздух. Не менее удивленный и сбитый с толку этим музыкант Сафар так и застыл с умолкшей зурной во рту, а перепуганные женщины прекратили хлопать в ладоши.

Шариф с внезапно изменившимся лицом и горящими глазами одним прыжком подскочил к невесте и резким движением сорвал шелковое покрывало, скрывавшее ее лицо. И «невестой» оказался плотный бритоголовый мужчина. Лицо его было еще не старое, но уже рыхлое, с закрученными, вздрагивающими черными усами, а серые, слегка выпуклые глаза смотрели на молодого партизана растерянно и с ненавистью.

Шариф, который был готов разорвать своего обидчика и врага на куски, увидев его сейчас в таком жалком и смешном положении, без папахи, в просторном женском платье, вспомнив, как он только что корчил из себя скромную «невесту», невольно засмеялся, сперва тихо, почти сдавленно, а потом громко, раскатисто. Старухе Зейнаб при виде этого невыносимого и ужасного для нее зрелища стало дурно, и она с глухим стоном упала без чувств на руки своих растерявшихся и перепугавшихся невесток.

Телефон

Чёрт дернул меня поставить у себя дома телефон. И зачем я вбил себе в голову, что он мне очень нужен?! Ведь обходился же я, слава богу, без него, без телефона, столько лет. Его отсутствие нисколько не влияло ни на мой сон, ни на мой аппетит, ни на мое настроение. А с его появлением у меня пропало всё: и сон, и аппетит, и настроение. Больше того, из-за этого злополучного телефона, клянусь вам, меня едва не хватил удар.

А, впрочем, мне так и надо. Говорили же мне хорошие люди из конторы связи. Особенно есть там один такой пожилой, худощавый человек с удивительно спокойным и приятным голосом, видимо, самый главный.

– Зачем вам, дорогой писатель, телефон? Ваше дело писать, писать и еще раз писать, а не растрчивать попусту свое драгоценное время на телефонные хабары-разговоры.

Честное слово, говорил. А я:

– Поставьте мне телефон – никаких гвоздей! Дом телефонизирован, у моих соседей есть телефон, а почему мне нельзя?

Мой довод, видимо, сразил самого главного, и мне через несколько дней установили телефон, такой модный, белый, красивый, хоть погладь его рукой, как живого. Одно лишь огорчало меня: телефон не подавал никаких признаков жизни. Через неделю я взял трубку (на работе, конечно), позвонил самому главному, робко пожаловался.

– Телефон вам не патефон, чтобы он запел вам сразу, – упрекнул меня в ответ обладатель невозмутимого, приятного голоса.

– Ведь он целую неделю молчит, не говорит!..

– Пусть молчит, хлеба-то он у вас не просит.

– Все это верно, но...

– Простите, дорогой товарищ, никаких «но». У нас пока нет свободных номеров, – и положил трубку.

Спустя три месяца я опять позвонил (с работы, конечно), самому главному.

– Телефон молчит...

– Пусть молчит, хлеба-то он у вас не просит.

– Зачем тогда установили мне телефон?

– Вы сами просили...

– Правильно, просил, но чтобы я мог говорить по телефону... В конце концов, фельетон что ли на вас написать?.. – разозлился я.

С полминуты в трубке слышалось сердитое сопение, потом многозначительное предупреждение:

– Пишите, если хотите, но фельетон – это еще не телефон...

И разговор оборвался.

На второй день у меня на столе затрещал телефон. Я с улыбкой на лице взял трубку, предвкушая удовольствие от разговора с другом, товарищем или просто знакомой.

– Алло, как там самочувствие моей жены? – вдруг слышу я в трубке.

– Что, что?! – мне показалось, что я ослышался.

– Я спрашиваю, как там самочувствие моей жены? – мягче, но настойчиво повторил чей-то мужской голос.

– Откуда я знаю, – вспыхнул я, – и какое я имею отношение к вашей жене или она ко мне?

– Гм, погодите, это разве не родильный дом? Я разве не с дежурным врачом разговариваю? – извиняющимся тоном произнес незнакомец.

– Нет, квартира.

– Ах, тогда простите.

Голос умолк, я положил трубку, вновь взялся за перо, но раздался звонок, а в трубке – тот же голос спрашивает:

– Скажите, как самочувствие моей жены?

Я, не произнеся ни слова, в сердцах положил трубку. Но через минуту опять звонок, опять он же, опять тот же заклятый вопрос:

– Как самочувствие моей жены?

Я схватился рукой за сердце и глубоко страдающим голосом взмолился:

– Дорогой мой, я же сказал вам, что это не родильный дом, а квартира, не туда звоните.

– А какой номер вашего телефона?

Я назвал. Но незнакомец словно взбесился, услышав номер.

– Как вам не стыдно?! Почему врете?! – заорал он в трубку так, будто его резали на куски. – Я и вчера и позавчера звонил по этому самому номеру и мне все время отвечали как положено... Вы просто – нахал, хулиган!.. Прочь от телефона, иначе милицию вызову!..

Я положил обратно трубку, взял ручку, но уже не мог сосредоточиться. Мысли мои напоминали сейчас пчёл, которые разлетелись в разные стороны после того, как в улье заворошили палкой, а теперь не хотят вернуться в него. Дрожащей рукой я вынул из ящика папиросу, закурил. После второй затяжки телефон вновь заверещал. Я поднял трубку.

– Скажите, пожалуйста, кто у меня родился: мальчик или девочка? – спрашивал уже другой, ласковый, но нетерпеливый голос. – Я целую неделю был на кутане, ничего не знаю...

Я сразу понял, что опять звонят в родильный дом.

– А кого бы вы хотели? – усталым голосом спросил я.

– Мне всё равно, но желательно мальчика – у меня шесть дочерей...

– У вас – мальчик, – произнес я и тут же положил трубку – по крайней мере, теперь не скоро будет звонить.

Через минуту, о боже! – опять звонок.

– Скажите, пожалуйста, жена моя разрешилась? А то мы все дома волнуемся, сидим как на иголках, – человек, который спрашивал, назвал фамилию жены.

Я с полминуты молчал, размышляя: если сказать «не разрешилась», будут звонить опять, опять и опять, поэтому ответил, что она благополучно разрешилась, чувствует себя хорошо, передает привет, целует и прочее.

– А кто у нас родился?

– А кого бы вы хотели?

– Дочку, мечтаю...

– Поздравляю, мечта ваша исполнилась – у вас – дочь, – и положил трубку.

Я взял с кровати подушку, накрыл ею телефон и больше к нему не подходил. Но самая большая неприятность, оказывается, ожидала меня впереди.

На следующий день кто-то раза три ударил ногой в мою дверь с такой яростью, что, казалось, вот-вот она сорвется с петель и с грохотом рухнет на пол. Я мигом подбежал, открыл дверь и увидел перед собой совершенно незнакомого мне мужчину с тремя свертками на руках. Два свертка он держал на правой руке, а один – на левой. Незнакомец был среднего роста и средних лет с суровым, смуглым обветренным лицом, которое украшали отличные черные усы, лихо закрученные кончиками вверх. Одет он был в пиджак, брюки галифе с широкими клинами и мягкие блестящие сапоги. Голову незнакомца венчала серебристая каракулевая папаха с широким бархатным верхом.

– Я узнал, это вы, оказывается, вчера отвечали мне, что у меня родился сын?! – окинул он меня недобрый, почти враждебный взглядом.

По его голосу я сразу догадался, что это тот самый, который говорил, что целую неделю был на кутане...

– Да, я.

– А почему вы мне наврали?! Ведь у меня же родилась тройня – и все три девочки!! Вот они у меня на руках.

– А при чем тут я? Разве я виноват?!.

– Я, что ли, виноват?! – резко оборвал он меня. – Если вы сообщили мне по телефону неправду... Кто вас заставлял?

Я чувствовал свою вину и решил благоразумно промолчать. Но тот, крича и бранясь, ставил мне в вину то, чего вовсе не было, о чем я даже не думал.

– Вы хотели разыграть меня, подшутить надо мной, посмеяться?! Где же ваша совесть?! – Он вздохнул, осторожно и бережно поправив на руках свертки, смерил меня злым, ненавидящим взглядом. – Вздумав из-за этого подшутить надо мной, вы тем самым нанесли тяжкое оскорбление не только мне, как отцу, но и моим новорожденным, всему женскому полу...

– Слушайте, я совсем не имел такого намерения, – пытался я успокоить его, – но отец новорожденных не слушал меня, все больше и больше расходясь, продолжал осыпать меня упреками.

– У меня на руках три будущие горянки – три! – он гордо поднял голову. – Горянка сейчас – инженер, горянка – ученый, горянка – министр, о горянках книги пишут, а вы... Эх... жаль, очень жаль, что жена немного подкачала, – в голосе его явственно прозвучали нотки сожаления, – не родила сразу четверых – ей бы повесили на грудь звезду Матери Героини назло вот таким отсталым и пустым насмешникам, как вы... Телефон завели, мебель – заграничная, а мозги с плесенью...

Пока я, страдая и вздыхая, слушал упреки и брань отца новорожденных детей, вдруг с ужасом заметил, что еще один незнакомец в шляпе со строгим, почти сердитым лицом поднимается по лестнице со свертком на руках. Мне показалось, что это тот самый мужчина, которого я поздравил по телефону с рождением дочери, а у него, наверное, родился сын. Теперь и он, видимо, тоже направляется ко мне... Я быстро захлопнул за собой дверь, взволнованный и расстроенный подошел к телефону и тотчас же позвонил самому главному в контору связи.

– Слушайте, почему мне все звонят и спрашивают родильный дом?

– А-а-а! Это очень просто, мы дали вам номер телефона, принадлежавший родильному дому. У них несколько телефонов. Ничего, обойдутся без лишнего телефона. А вы, пожалуйста, не волнуйтесь.

– Как же не волноваться, люди же не знают об этом, звонят мне без конца. У меня из-за этого большие неприятности!

– Да, это вполне возможно, – согласился самый главный, – будут звонить еще.

– До каких пор? – с тревогой спросил я.

– Пока не издадут новую абонементную книжку и не укажут точно, у кого какой номер.

– А скоро ли ее издадут, эту самую абонементную книжку?

– Наверно, не скоро, судя по тому, что последняя абонементная книжка по нашему городу была издана... ровно пять лет тому назад.

Я в отчаянии схватился за голову, взмолился:

– Тогда дайте мне, ради бога, другой номер.

– Не можем, – холодно отрезал тот.

Я пригрозил, что перережу провод, выброшу телефон в мусорный ящик. Но на это «самый главный» ответил мне своим обычным невозмутимым и приятным голосом.

– Ваше дело – поступайте как хотите, но платить каждый месяц за телефон вам все равно придется, потому что ваш дом телефонизирован, а за вами закреплен номер.

И вот сижу я теперь и проклиная тот день и тот час, когда я обратился в контору связи с настойчивой просьбой, чтобы мне установили телефон. На горе себе я его поставил.

«Жених» бабушки фатьмы

Рассказать вам, что совсем недавно приключилось со мной, старухой? Язык, как вы знаете, когда его держать нечем, сам выскакивает... Вот что со мной приключилось, родные мои: так и быть уж, расскажу вам по секрету. Вечером, когда я выходила из дому, двое дюжих молодцов налетели на меня, как коршуны на добычу, завернули в бурку и без оглядки умчали куда-то.

Я знаю, вас очень удивит, если скажу: сама я хотела, чтобы парни меня похитили. Вы, конечно, будете возмущаться: мол, как это так, кровь что ли вдруг в тебе взыгралась на старости лет, или дурь в голову ударила? Вы, пожалуйста, не лезьте наперед со своими упреками. Знаете поговорку: «Не дойдя до речки, одежды не снимают». То, что я старая, это мне не в укор, а в честь, знать, недаром прожила свой век. Один мой сын – боевой офицер, границу нашу охраняет, другой – лучший чабан. Его портрет вы всегда можете увидеть на Доске почёта, что стоит перед зданием колхозной конторы, а дочь моя, дай бог ей еще много сил и здоровья, десятого ребенка донашивает, можно сказать, без трех месяцев уже «Мать-героиня»... Видите, каких детей я вырастила!

Если хотите знать, в свое время и красотой я блистала не меньше, чем любая молодуха сейчас. Дай бог память, не то шестьдесят, не то семьдесят лет тому назад к нам в аул приезжал ашуг, веселый такой, как соловей в весеннюю пору. Он в своей песне сравнивал мои щеки с румяным яблоком, уста – со сладчайшим медом, а зубы – с аравийским жемчугом. Правда, от этого «жемчуга» остался у меня во рту, как видите, всего-навсего один передний зуб. И стоит мне засмеяться теперь, как мой годовалый внучонок орет благим матом: боится, паршивец, как будто я собираюсь укусить его...

Да, я немного отвлеклась, со мной это случается в разговоре. Тянет меня говорить обо всем сразу. Если вы уж решили выслушать меня, старуху, до конца, придется мириться с этой моей слабостью. Так вот, сижу я позавчера одна в своей сакле, качаю внучка в люльке, песенки ему пою, а сама слегка дремлю. Перед глазами, как вольные облака по небу, плывут одна за другой картины моей далекой юности. И на душе от этого и сладко, и грустно.

Вдруг скорее почувствовала, чем услышала, как отворилась дверь и кто-то осторожно вошел в саклю. Открыла глаза, смотрю – это соседкин сын Микаил к нам пожаловал. У него смуглое, скуластое лицо, мохнатые брови. Я его за версту могу отличить среди других парней.

Он настороженно обвел глазами комнату, потом тихо подошел ко мне. Лицо у него возбужденное, озабоченное и чуточку почему-то озорное.

«Ну, какие добрые дела, Микаил, привели тебя к нам?» – спрашиваю у него.

Он, потупив глаза, смущенно улыбается, перебирает пальцами пуговицы на пиджаке, волнуется.

«Я к вам, бабушка Фатьма, – говорит он, – с одним очень важным делом. Я уверен, вы поможете уладить его...» Я смотрю на него и недоумеваю: какое его «важное дело» я могу уладить?... Что я, судья, прокурор или сваха? Не хватил ли он лишнего? Правда, пьяным я его никогда не видела. Все же встала и понюхала воздух перед его носом. Запаха спиртного не учуяла, нюх у меня тонкий – не то, что слух. Это еще больше разожгло мое любопытство. «Давай, не тяни, скажи, что ты хотел», – тороплю я.

Опустившись на ковер, Микаил еще раз настороженным взглядом окинул углы комнаты, потом, приблизив своё лицо, горячо зашептал мне на ухо. «Мы хотим сегодня вечером украсть девушку...» Услышав этот хабар, у меня в голове сразу потемнело, невольно потянулась за длинной палкой (я её всегда держу при себе, чтобы, не вставая с места, можно

было прогонять кур и цыплят, когда они заходят в саклю). Я грозно оборвала Михаила на полуслове так, что ребёнок в люльке испугался и заплакал.

Михаил взмолился: «Бабушка Фатьма, постойте, я совсем не то хотел сказать, клянусь отцом, выслушайте меня!..» Я выпустила из рук палку, принялась опять качать ребенка.

«Ну, давай, рассказывай, – говорю, несколько успокоенная, недоверчиво поглядывая на него. – Аллах сам тебя не разберет: то ты говорил, что хочешь украсть девушку, а увидел в руках моих палку и сразу на попятную».

Короче говоря, из слов Михаила я поняла, что у него есть закадычный друг Ильяс. А этого Ильяса я сама знаю: красивый, стройный юноша, но человек плохой – пьяница, нигде не работает, живёт на иждивении матери. Он по уши влюблен в девушку Рукият.

Легкомысленный, а знаете, понимает толк в девушках. Будь я, например, парнем, валлах, никому бы не уступила Рукият: стройная, миловидная, к тому же лучшая доярка на ферме. В прошлом году, говорят, заработала шестьсот трудовней. На двух машинах привозили ей зерно и разного добра с колхозного склада. И вот, Ильяс, оказывается, от любви к этой девушке ходит как под хмелем и даже трезвый. Если верить Михаилу, этот бездельник ей тоже нравится. Но замуж выйти за него не хочет, говорит: «Брось пить водку, работай, тогда посмотрим...»

«Правильно, думаю, Рукият рассуждает. На что ей муж-пьяница, с ним не жизнь, а горе». А я Михаилу говорю: «Почему бы тебе самому не жениться на ней, глупый?» А он, опустив голову на грудь, тяжело вздыхает: «Не скрою от вас, бабушка Фатьма, я ее очень любил, да и сейчас люблю, но она ко мне равнодушна, знаете, я некрасив, а красота в любви – большой козырь». – «Гм, ты некрасив, зато он пьяница, – вспыхнула я, – кто же из вас лучше? Красоту на стенку не вешают».

А Михаил товарища не охаивает и ее не осуждает. «Видите ли, бабушка Фатьма, – говорит он. – Ильяс сам по себе человек неплохой, но водка его губит. Надо помочь ему исправиться, женитьба на любимой девушке должна ему помочь. А что касается Рукият, я ее не виню, что она меня не любит – насильно мил не будешь».

На чем это я остановилась?.. Ах, да, надумал, значит, этот пьяница Ильяс похитить славную девушку Рукият, а Михаила просит как друга помочь ему в этом нечистом деле. Михаил не знает, как ему быть: отказать другу – смелости не хватает, опозорить девушку – совесть мучит. Но самое главное, что хотел сказать мне Михаил, он прошептал мне на ушко. Этого я вам пока не скажу, потом...

Я подумала, подумала, потом в знак согласия кивнула головой.

И вот поздно вечером, когда у нас в доме все поужинали и улеглись спать, я быстро накинула на голову платок и вышла на улицу. Ночь была темная, глухая, на небе мерцали редкие звезды. Крадучись, как тень, я пробралась в тот двор, где живет Рукият. Не успела оглянуться, как что-то тяжелое и черное, будто большущее крыло невиданной хищной птицы, с шумом накрыло меня. Я испуганно вскрикнула. Но чьи-то сильные и ловкие руки, как младенца в пеленку, быстро завернули меня в бурку и взвалили на плечи. Все это произошло в одно мгновение. «Куда ее?» – слышу я сдавленный, тревожный шепот Михаила. «Забыл что ли? – так же тихо, но сердито отвечает ему Ильяс. – Неси скорее в «обитель любви», пока нас никто не заметил».

«Обитель любви» – это огромная закопченная пещера в высокой скале. Она находится недалеко от нашего аула. Весною и осенью во время перегона овец чабаны скрываются в ней от дождя и гроз. А почему ее называют «обителью любви», спросите вы, любезные мои. Говорят, когда-то один из слуг хана похитил, как меня недавно, девушку из его гарема. Скрываясь от ханского возмездия, они нашли в ней приют для своей любви... Вот какие, значит, дела...

«Ты только осторожно, а то споткнешься и разобьешь ее насмерть, – услышала я опять беспокойный голос Ильяс, когда мы оказались на почтительном расстоянии от аула. – Что-то она и звука не издает. Не задушил ли ты ее сгоряча?» – «Да ты не волнуйся, – проворчал Микаил, который, как купец свой клад, нес меня на своих широких плечах. – Она, видно, с испуга лишилась голоса. Это пустяки... обойдется. А что касается «обители любви», то туда я могу с закрытыми глазами добраться и ни разу не споткнусь о камни».

И вот, наконец, мы в пещере. Микаил, пыхтя, отдуваясь, осторожно, будто хрупкий сосуд, кладет меня на землю, прислонив спиной к стене.

«Зажги фонарь», – слышу я нетерпеливый голос Ильяс. В то же мгновение тусклый свет фонаря в руке Микаила осветил мрачные своды пещеры. Ильяс с жаром кинулся ко мне, наверное, чтобы сказать: «прости мне, мол, мой дерзкий поступок, я без тебя жить не могу!..» А я обеими руками сбросила с себя бурку и в упор уставилась на него, обнажив свои беззубые десны. «Ну, похитил, разбойник?» – злорадно спросила я.

Ильяс остановился, как вкопанный, не в состоянии ни двинуться, ни вымолвить слово. «Ах, это вы, бабушка Фатьма?.. – упавшим голосом наконец выдавил он из себя, потом, будто очнувшись, набросился на бедного Микаила: – Кого же ты прихватил, куда твои глаза смотрели?..»

– Туда, куда и твои, – тоже притворившись удивленным и расстроенным, запальчиво отвечает ему Микаил. – Темно было, не разглядел...

Ильяс видит, что дело скверно обернулось, и... бежать. Но не тут-то было! Я успела схватить его за пестрый длинный галстук, как непокорного бычка за веревку. «Я тебя никуда не отпущу. Раз похитил, оскорбил мою женскую гордость, так изволь жениться. Я согласна. Иначе сейчас же иду жаловаться в сельсовет. Тюрьмы тебе не миновать, так и знай!..» А Микаил, сдерживая лукавую улыбку, усердно подмигивает мне, дескать, давай-давай, бабушка Фатьма. Ильяс пятится назад, – видать, боится, очень боится, как бы я не заключила его в свои объятия.

«Что вы, бабушка Фатьма, – в ужасе говорит он, бледнея, – мы ведь по ошибке...»

«А!.. Не я, а другая, значит, должна была стать жертвой твоего разбоя? – наступая на него, грозно говорю я, – что она – вещь, яблоко в чужом саду или тоже человек, как и вы, мужчины, с сердцем и умом?! Если бы так похитили твою сестру, мать или невесту, как бы эта самая штука тебе понравилась, а?»

Я его осыпаю, как горохом, бранью, упреками и угрозами. А Микаил толкает его в бок и говорит тихо, но так, чтобы я слышала: «Встань на колени перед бабушкой Фатьмой, проси прощения, иначе мы с тобой пропали!»

И вот, дорогие мои, чтобы вам долго не морочить голову, скажу: кончилось тем, что Ильяс встал на колени и попросил у меня прощения (ведь позора и тюрьмы никому не хочется). И еще, главное – по моему настоянию он поклялся памятью своего отца (тот погиб на фронте) бросить пить эту отраву – водку, от которой у человека заходит ум за разум, не сидеть больше на шее матери, работать в колхозе, как все нормальные, здоровые люди. А я за это обещала ему никому об этом случае не говорить, а если он исправится – помочь ему жениться на любимой девушке, на Рукият.

Правда, первое свое обещание я нарушила, доверила вам тайну, так я же по секрету, вы же никому не скажете? Зато, клянусь вам, я обязательно выполню второе обещание. Дело только за Ильясом...

Возмездие Повесть

*Мужественной женищине,
моей дорогой односельчанке
Гюльбоор Давыдовой
посвящаю эту повесть.*

Часть I

Глава I По селу ходит «гудил»¹³

Апрель – чудесный месяц весны. По-летнему пригревает солнце. В садах, сплошным кольцом окруживших селение Ньюнди, цветут деревья. Они, словно сказочные пери¹⁴, стоят, как зачарованные, в своих пёстрых и ярких нарядах. Лёгкий ветерок доносит нежные запахи цветов, в воздухе раздаётся весёлое щебетание птиц.

Природа торжествует после зимнего оцепенения, упиваясь живительным теплом.

Но сегодня, после нескольких тёплых дней, внезапно похолодало. По низкому небу медленно, как усталый караван в пустыне, поползли сизые тяжёлые облака.

Селение как будто вымерло. Кривые узкие улочки с приземистыми глинобитными домами пустынно. Все взрослые и подростки в поле. Не слышно голосов и на майдане¹⁵. На завалинке, любимом месте отдыха мужчин, сидит, широко расставив ноги, обутые в мягкие сапоги, коренастый мужчина средних лет с чёрной, как смоль, курчавой бородой, в каракулевой шапке. Одет он в зелёный атласный бешмет, затянутый широким поясом, украшенным серебром, с которого свисает небольшой кинжал с костяной рукояткой. Тёмно-карие глаза глядят из-под густых чёрных бровей пытливо, подозрительно. Это – сельский староста Гомуил.

Возле него прямо на голой земле устроился худой старик с короткой седой бородкой. Вся его одежда состоит из бязевой рубашки и бязевых штанов неопределённого цвета, настолько они пропитаны потом и грязью. Видно, это незамысловатое одеяние, покрытое бесчисленными прорехами и заплатами, служит его владельцу и нижним бельём, и верхним платьем. Когда старик угодливо наклоняется к Гомуилу, под рубахой отчётливо выступают костлявая спина и рёбра.

Гомуил и старик, пожалуй, единственные из мужчин, оставшиеся в этот день в селе.

Дымя кальяном с аршинным чубуком, они тихо беседуют, бросая время от времени рассеянные взгляды в сторону пышно цветущих садов и телят, резвящихся на прошлогодних гумнах недалеко от майдана.

¹³ По поверью татов, весной, когда посевам требовалась влага, чтобы вызвать дождь, кто-нибудь в селе обряжался «гудилом» и ходил по дворам. «Гудила» плотно обвязывали свежесрубленными ветками и с песнями водили по селу. Каждый сельчанин должен был плеснуть на него водой со словами: «дай бог влагу» и чем-нибудь отблагодарить. Обычно «гудилом» обряжался самый бедный или нищий, чтобы иметь заработок.

¹⁴ *Пери* – сказочная красавица.

¹⁵ *Майдан* – место сходки сельчан.

– Дождя бы сейчас. Вот уже конец апреля, а дождя бог не даёт. Ведь моим полям нужна влага, – произнёс Гомуил, провожая тоскливым взглядом медленно ползущие тучи.

Старик исподлобья посмотрел на старосту. «Если влага нужна только твоим полям и бог справедлив, он не пошлёт её ни капли», – со злобой подумал он, а вслух сказал:

– Бог милостив. Посмотри, всё небо обложено тучами, как скирдами поле. Дождь обязательно будет, может быть, даже сегодня. Не волнуйся, староста...

Гомуил криво улыбнулся. «Не волнуйся», – мысленно повторил он слова собеседника. – «Тебе что? Ты гол, как сокол. Если мои посевы и виноградники загубит засуха, а скот повалит чума, ты даже рад будешь. Знаю я вас, голодранцев! С виду заискиваешь передо мной, а в душе завидуешь...»

Но староста с притворной любезностью вслух также сказал не то, о чём он думал:

– Не говори так, джан Шелбет. В прошлом году в это время тоже была такая погода. Тучи прошли караваном в сторону Хазари и ни капли не уронили на землю. – Немного помолчав, он нахмурил широкие брови и добавил с недовольством: – Не понимаю, почему в этом году никто не обряжается «гудилом». То ли все сильно заняты, то ли никого ещё голод не донимает. Я бы сам сейчас плеснул на него кружку воды.

Не успел староста высказать своё пожелание, как вдруг, словно в ответ на его слова, с окраины села, где начинался лес, донеслись дружные, задорные голоса ребятишек:

– Э-э-э-эй! «Гудил» идёт! «Гудил» идёт!..

Селение, казавшееся безлюдным, неожиданно начало оживать, наполнилось шумом, движением. Из домов поспешно выходили навстречу «гудилу» оставшиеся в селе старухи и беременные женщины. Они несли медные, глиняные кружки и кувшинчики с холодной родниковой водой. Вслед за ними, помахивая пышными хвостами, выбегали со дворов удивлённые псы, не зная, лаять им или повернуть назад. Всполошилась наседка с цыплятами. Завидев приближающуюся ораву мальчишек и засуетившихся женщин, она с громким кудахтаньем, растопырив крылья, бросилась вместе со своим пискливым потомством к забору, словно на неё собиралась налететь стая коршунов.

К майдану медленно двигался «гудил». Он был настолько плотно обвязан с головы до ног ветками с молодыми клейкими листьями, что самого «гудила» не было видно. Создавалось впечатление, будто по улице шагает не человек, а куст с только что распустившимися листьями. Рядом с ним, держа в руке конец верёвки, которой был обвязан «гудил», шёл худой бледный мальчик в лохмотьях. У него через плечо был перекинут старый длинный мешок, почти касавшийся земли. Мальчик выкрикивал какие-то слова, а босоногая детвора, бежавшая за мальчиком, во всю мощь своих звонких голосов нестройным хором отвечала:

– Хо! Хо!

– Идёт «гудил» по селу! – громко, нараспев произносил заученную фразу мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.